

Научный подход и универсальная этика

Сторчевой Максим Анатольевич – кандидат экономических наук, доцент Санкт-Петербургской школы экономики и менеджмента Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

mstorchevoy@hse.ru.

Аннотация

В этой статье мы обосновываем тезис о том, что универсальная этика может быть построена на основе научного подхода, что позволяет обосновать ее универсальность и спасти от методологических обвинений в субъективизме или релятивизме. Вначале мы объясняем выбор критериев научности: 1) точная терминология, 2) корректный логический анализ, 3) эмпирическая верификация, 4) точность эмпирических измерений. Затем мы выстраиваем нормативную этику, которая будет соответствовать данным критериям. Мы определяем базовое понятие «хорошо» через индивидуальный субъективный выбор, а далее демонстрируем возможность построения логичной дедуктивной теории об индивидуальном выборе, гипотезы которой могут эмпирически верифицироваться. Вслед за этим мы обсуждаем условия, при которых суждение человека действительно выражает его интересы, и переходим к рассмотрению универсальных моральных норм, которые также являются результатом индивидуального субъективного выбора. В завершение мы разбираем сократический диалог как методологию убеждения людей в истинности универсальной этической теории.

Ключевые слова: нормативная этика, рациональный выбор, научный метод, верификация, единогласие, вуаль неведения.

Можно ли построить этику как науку? Многие люди думают, что это невозможно, поскольку слишком высока роль субъективных мнений и неизбежны разногласия. Многие философы считают, что это не нужно, причем некоторые настаивают, что истинной науки вообще нет. Однако так ли это? Могут ли быть доказаны сами тезисы о «невозможности» или «ненужности»? Автор хочет показать, что мы можем и должны реконструировать этику как науку. Это поможет значительно повысить качество ее методологии и вывести универсальную или истинную этику, с которой должны согласиться все разумные люди.

Критерии научности

Существует много дискуссий о выборе критерия научности, но в данной статье мы будем использовать только простой вариант позитивистской концепции науки. Данный выбор объясняется тем, что позитивизм лежит в основе естественных наук и является убедительным для рядовых людей. Вот простой список критериев научности:

Точные определения. Все термины и понятия истинной науки должны быть четко определены, чтобы исключить недопонимание и неправильные суждения. Если мы говорим «хорошо», «должен» или «справедливо», каждый должен воспринимать эти понятия совершенно однозначно. Точные определения важны, чтобы сделать возможным продуктивное обсуждение, где все участники будут хорошо понимать друг друга и не будут разрабатывать несовместимые рамки.

Правильная логика. Теоретические модели и объяснения не должны содержать логических противоречий. Например, если предположить, что нам важны только интересы отдельных людей, мы не должны внезапно начать говорить об интересах общества.

Эмпирическая проверка. Все теоретические утверждения или гипотезы должны быть проверены путем сравнения их с фактами и наблюдениями. Если какое-то утверждение невозможно проверить, потому что мы не знаем, что мы должны измерить или наблюдать, это утверждение нельзя признать научным.

Точное измерение. Когда мы сравниваем наши теоретические предсказания с фактами, мы должны быть уверены, что собрали точную информацию о фактах. Например, если исследуется выборка респондентов, необходима твердая убежденность, что выборка репрезентативна и имеет те же характеристики, что и генеральная совокупность.

Вероятно, возможны и другие варианты простого перечня критериев, но для целей данной статьи будем считать такой перечень достаточным.

Основные определения

Начинаем с определений по двум причинам. Во-первых, точные определения не оставляют возможности для различного понимания терминов, а это – залог продуктивного обсуждения, в котором все участники точно понимают друг друга и не раз-

рабатывают несовместимые теоретические концепты (что было основной проблемой в дебатах по метаэтике в XX в.). Во-вторых, правильный выбор определений необходим, чтобы утверждения теории стали проверяемыми.

Попробуем разработать такие определения на примере. Можно ли проверить нормативное утверждение «воровство – это плохо»? Это зависит от нашего определения «воровство» и «плохо». Проблем с точным определением воровства нет. Например, мы можем обозначить его как «экспроприацию собственности других людей без их согласия» или «экспроприацию результатов труда других людей без их согласия». Это определение можно уточнять дальше, но нет никаких сомнений в том, что мы можем очень точно определить «воровство», что поможет нам классифицировать любое действие как воровство или неворовство.

Можно ли дать определение термину «плохо», чтобы сделать его однозначным и создать возможность его проверки эмпирическим или логическим путем? Определяя термин «плохо» другими словами, можно сказать, что это «то, что не должно существовать». Но в этом определении остается неясным слово «должен». Есть только один способ сделать такое определение полным – добавить в него субъекта. «Плохо – это то, что не должно существовать согласно *чьему-либо мнению*». Вот теперь можно строить точные предложения, такие как «По мнению X, воровство не должно существовать».

Это однозначное утверждение. Его можно рассматривать как научную гипотезу, которая поддается проверке логически и эмпирически. Во-первых, мы можем построить теоретическое обоснование этой гипотезы на основе всех наших знаний о поведении людей и конкретной информации о человеке X. Является ли он рациональным? Каковы его интересы? Понимает ли он последствия воровства? После ряда логических предположений вполне возможен теоретический вывод, что X не хочет, чтобы воровство существовало. Другими словами, эта теоретическая модель должна быть логически правильна.

Во-вторых, можно провести эмпирическую проверку нашей теоретической гипотезы: найти человека X (если это технически возможно) и спросить его мнение о воровстве. Если он скажет, что не хочет, чтобы воровство существовало, это будет эмпирическим подтверждением нашего теоретического утверждения. Следовательно, если нормативная этика строго следует определениям «хорошо» и «плохо», она способна оперировать предложениями, которые могут быть проверены на предмет их теоретической

правильности и могут быть проверены эмпирически, что делает нормативную этику соответствующей критериям науки.

Условия индивидуального выбора

Существует еще несколько дополнительных методологических вопросов о проверке нормативных положений, которые необходимо рассмотреть, прежде чем мы сможем приступить к построению нормативной этической теории. Если эмпирическая проверка моральных суждений должна проводиться путем опроса людей о том, согласны ли они с ними, то могут ли респонденты ошибаться? Всегда ли мы можем считать мнение респондента отражающим его истинный выбор? Нет, потому что существуют два фактора, которые могут привести респондента к ошибочному мнению: 1) он может иметь недостаточно информации, относящейся к этому выбору, и 2) он может находиться под воздействием эмоций. Оба фактора могут заставить респондента отклониться от истинного выбора, который он сделал бы при их отсутствии. Обсудим эти два фактора.

Первый фактор. *Вся доступная информация.* Релевантная информация помогает субъекту сформулировать более полное количество вариантов выбора, лучше понять их последствия, а также осознать свои истинные интересы. Таким образом, мы можем предложить общее теоретическое правило: чем больше релевантной информации у человека, тем более правильные суждения он высказывает о своем личном «хорошо» и «плохо».

Отсюда вытекает, что абсолютно истинное суждение требует обладания полной информацией о мире. Другими словами, вполне вероятно, что человек даст действительно истинные ответы о «хорошем» и «плохом» только в том случае, если ему будет предоставлено полное знание обо всем, что имеет отношение к вопросу выбора. Этот критерий порождает методологическую трудность, поскольку полное знание о вселенной недостижимо, а следовательно, никакой человек по определению никогда не сможет сделать истинное суждение о «хорошо» и «плохо». Означает ли это, что научный подход к науке тоже невозможен? Подобной позиции придерживается теория моральных ошибок, предполагая, что моральные суждения всегда ошибочны, потому что мы никогда не можем обладать всей информацией. Однако данную позицию можно отвергнуть как неразумную. Во-первых, можно согласиться с тем, что абсолютное истинное моральное знание недостижимо, но точно в такой же ситуации находятся

естественные науки, такие как физика или биология: получить полное знание о вселенной невозможно, но это не мешает данным наукам развиваться и систематически расширять границы наших познаний. Каждый раз наука делает наиболее обоснованный вывод при имеющихся информационных ограничениях. При этом знание о мире неуклонно движется в сторону абсолютной истины. Во-вторых, естественные науки помогают профессионалам (инженерам или врачам) основывать свои практические ежедневные решения на накопленных знаниях, и нам всем очевидно, насколько серьезных успехов это позволяет достичь. Точно так же и этика как наука должна давать людям наилучшие этические принципы в условиях информационных ограничений, поскольку людям необходимо принимать решения на практике, и несовершенная наука в данном случае лучший помощник, чем агностицизм или скептицизм.

Таким образом, мы можем построить научную нормативную этику на методологическом принципе «всей доступной информации» – моральное суждение является истинным, если субъект поддерживает его после получения всего имеющегося релевантного знания.

Можем ли мы доказать этот методологический принцип? Чтобы быть последовательными, нам необходимо следовать той же процедуре проверки любого утверждения. Построим гипотезу: «Человек X хочет обладать всей доступной релевантной информацией во время принятия этических решений». Спросим X, согласен ли он с этим предложением. Если мы ошибаемся и человек не хочет этого, то наш принцип «всей доступной информации» является научно необоснованным. Логично предположить, что разумный человек предпочтет иметь максимум релевантной информации при принятии решений о «хорошо» и «плохо», потому что знания позволяют улучшить эти решения.

Как быть, если отдельный человек возразит и скажет, что не хочет обладать всей доступной информацией, прежде чем выносить этические суждения? Должны ли мы считать данное мнение отражением его истинного желания? Представляется, что нет, поскольку это нерациональная логика, и в этом случае мы можем любое утверждение человека считать истинным. Очевидно, что если мы наблюдаем признаки нерациональности в суждениях человека, мы не должны считать его мнение показателем его истинных желаний. Ребенок может утверждать «Курение полезно для меня», но нам очевидно, что это мнение ошибочно. Аналогичным образом любое лицо, которое не обладает всей необходи-

мой информацией по вопросу выбора, не может быть источником проверки нормативных положений.

Конечно, можно предположить, что полное знание о мире может оказать отрицательное влияние на наше счастье. Может оказаться так, что наше первоначальное представление о мире было неправильным, и мы должны преследовать некоторые другие цели или, возможно, нет никаких целей, которые мы должны преследовать. При этом обладая полным знанием, мы не сможем достичь того же уровня счастья, которое мы достигали без него. Например, человек может быть счастлив, думая, что он бессмертен, и дополнительные знания о его неизбежной смерти могут серьезно изменить его способность быть счастливым. Таким образом, нам нужно проверить следующую фундаментальную гипотезу: «Человек X хочет иметь всю доступную информацию о мире, предполагая, что это может радикально изменить нынешние взгляды X и разрушить некоторые из нынешних идеалов, ценностей и ожиданий X».

Хотя в действительности некоторые люди определенно не согласятся с этим утверждением; здесь также можно утверждать, что правильный ответ рационального человека должен быть положительным. Во-первых, рациональный человек может управлять собой, чтобы получить тот же уровень счастья, даже имея некоторые негативные знания о будущем. Например, он может использовать приемы стоиков и избежать любых психологических страданий. Мы знаем из опыта, что люди могут привыкнуть к любой горькой правде и в конечном итоге быть счастливы в любых обстоятельствах. Во-вторых, рациональный человек всегда сделает более правильный выбор при наличии дополнительной информации. Если человека ждет какая-то горькая правда, он сможет более разумно распределить свои ограниченные ресурсы и достичь лучшего результата. Данные аргументы (способность избегать психологических страданий и возможность сделать лучший выбор) выглядят логичными, но мы можем проверить эту гипотезу эмпирически.

Второй фактор. *Контроль эмоций.* Нормативные суждения человека могут значительно зависеть от его эмоций, поэтому следует учитывать данный фактор в наших изысканиях. Какие эмоциональные состояния следует признать ведущими к истинным моральным суждениям? Роль эмоций в нормативных суждениях моральные философы понимали по-разному. Эмотивизм или интуитивизм утверждают, что именно эмоции (чувства) формируют или подсказывают моральную истину. Однако научный анализ

эмоций говорит о том, что они представляют собой биологические и культурные программы для контроля поведения людей или облегчения их жизни. Следовательно, разумный человек должен осознать истинную природу эмоций и контролировать их в процессе формирования нормативных суждений. Это означает не то, что нужно принимать решения, противоречащие эмоциям или абсолютно пренебрегать эмоциями, а то, что человек не должен попадать под власть эмоций при выборе. Человек может решить использовать эмоции, но это должно быть сознательное решение (т.е. эмоции должны контролироваться человеком, а не наоборот). Данную теоретическую гипотезу также можно проверить эмпирически, попросив реальных людей согласиться или отвергнуть следующее утверждение: «Человек X хочет полностью контролировать эмоции при принятии этических суждений».

Однако если человек в нашем эксперименте отказывается исключать эмоции из анализа и настаивает на том, что эмоции дают подлинный ответ на моральные вопросы, должны ли мы принимать во внимание это суждение? Представляется, что не должны. Аналогично мы не принимаем всерьез нормативные суждения пьяного человека или человека, одурманенного наркотическими средствами, потому что разум этого человека находится под воздействием химических веществ. Точно так же эмоции и чувства (которые имеют химическую природу) могут исказить рациональный выбор. Если человек руководствуется эмоциями и чувствами и не может получить контроль над ними, к его суждениям можно относиться так же, как мы относимся к суждениям пьяного человека.

Представленная здесь методология кажется пугающей. Можно услышать обвинение в том, что мы строим своего рода тоталитарную этику, не давая голоса тем, кто не согласен, и причисляя их к неспособным выносить истинные суждения. Однако разве это не нормальная практика в других сферах нашего общества? Пьяный человек не может давать показания в суде. Ученый на конференции по физике не может сказать, что он «чувствует», что некоторые теории ошибочны. Мнения обоих участников будут исключены из рассмотрения судом или научным сообществом. Так почему этическая теория должна учитывать мнение людей, чьи суждения искажаются какими-то химическими процессами в их телах и которые отказываются признавать этот факт? Другой аналогией является наше отношение к суждениям детей. Ребенок может отчаянно настаивать на том, что «курение полезно», но мы

не принимаем это суждение в расчет, поскольку ребенок не обладает всей необходимой информацией о последствиях курения и еще не научился контролировать свои эмоции. Точно так же лицо любого возраста, которое не обладает всей необходимой информацией по выбору или не может контролировать свои эмоции, не может быть источником проверки нормативных положений.

Поэтому мы предполагаем, что вывод этических суждений о «хорошо» и «плохо» требует учета двух факторов: доступной информации и эмоций. Истинные моральные суждения должны быть сделаны при полной доступности информации и при полном контроле над эмоциями.

Универсальные моральные нормы

Предшествующее обсуждение было сосредоточено только на возможности научной проверки отдельных этических суждений о «хорошо» и «плохо». При этом мы имели дело только с моральными истинами для конкретных людей. Далее нам нужно поставить следующий вопрос: можно ли вывести *универсальные моральные истины*, которые можно как моральные суждения, признающиеся истинными всеми людьми. Такое универсальное моральное суждение может касаться оценки какого-либо состояния или действия (например, «экономический рост должен быть высоким») или универсальной нормой поведения (например, «никто не должен злоупотреблять рыночной властью»). В обоих случаях моральное суждение будет универсальной моральной истиной тогда и только тогда, когда ее поддерживают все. Возможны ли такие суждения?

Существование универсальных моральных норм

Существование таких суждений в принципе можно доказывать с помощью некоторых очевидных примеров таких суждений, которые должны поддерживаться всеми, например, «глобальной ядерной войны не должно быть», «этот мир должен существовать». Ни один рациональный человек не будет утверждать обратное. В данном случае мы предполагаем выполнение двух условий из предыдущего анализа: использование всей доступной информации и контроль эмоций. Например, последователь культа конца света или несчастный любовник может пожелать смерти всем людям, но мы не должны принимать эти суждения во внимание.

Но можно пойти и другим путем, и просто спросить рационального человека, а хочет ли он, чтобы такие универсальные моральные нормы существовали? Мы можем доверить логической и эмпирической проверке следующую гипотезу: «Человек X хочет, чтобы существовали универсальные моральные нормы, которым должны следовать все люди». Здесь мы не говорим о том, какие именно будут эти нормы, а просто спрашиваем мнение о том, должны ли такие нормы существовать вообще. Кажется, что рациональный ответ должен быть положительным, потому что универсальные моральные нормы будут защищать ценности и интересы человека. Например, нормы, запрещающие насилие, защищают всех людей от насильственных действий. С точки зрения эмпирической проверки, представляется, что само существование законов в любом обществе подтверждает данную гипотезу, поскольку законы и представляют собой универсальные (обязательные для всех) моральные нормы.

Однако когда мы попытаемся определить, какие именно универсальные моральные нормы должны существовать, мы можем столкнуться с некоторыми разногласиями между людьми. Для решения этих проблем необходимо тщательно определить морально правильную процедуру выбора моральных норм, которую поддержат все люди. Эта процедура имеет несколько характеристик, которые мы обсудим по очереди.

Процедура выбора: кто?

Прежде всего нам нужно уточнить, кто должен выбирать универсальные моральные нормы, которыми люди захотят руководствоваться. Должны ли нравственные нормы быть выбраны людьми или взяты из какого-то другого источника (божественное повеление и т.д.)? Предлагается следующая гипотеза: «Человек X хочет, чтобы моральные нормы определялись людьми». Почему бы не взять моральные нормы из Библии или Корана? Представляется, что разумный человек согласится использовать эти источники в качестве дополнительной информации, потому что они отражают древнюю мудрость, но не будет использовать их в качестве окончательного источника истины. Рациональный научный анализ последствий любого действия работает намного лучше, чем религиозный источник, предлагающий упрощенные правила, которые помогают в большинстве случаев принимать этичные решения, но трудно применимы к целому ряду исключений.

Процедура выбора: все люди?

Следующий вопрос, который мы должны себе задать: должны ли все люди участвовать в процессе выбора норм или некоторые люди должны быть исключены? Универсальные моральные нормы по определению должны поддерживаться всеми людьми. Однако, как обсуждалось ранее, некоторые люди могут делать ошибочные суждения, поскольку не имеют всей доступной информации или находятся под контролем эмоций. Мы предположили, что рациональный человек предпочтет получить всю доступную информацию и контролировать эмоции, но в действительности некоторые люди могут отказаться делать это. Есть две категории людей, которые подпадают под эту категорию: люди с психическими расстройствами (например, те, кто не может сделать рациональный выбор) или люди, не желающие заниматься самообразованием. Определение психических расстройств является сложной методологической проблемой, потому что грань между нормальным и ненормальным размыта. Например, Американская психиатрическая ассоциация утвердила список из более 450 типов психических расстройств. Какой критерий следует использовать для выявления тех, кого следует исключить?

Здесь моральная философия может попытаться заимствовать опыт юридических систем, которые допускают людей к участию к юридическим действиям, только если они обладают определенными умственными способностями. Если человек не обладает данными компетенциями, он будет лишен такого права или даже подвергнут принудительному лечению (помещен в психиатрическую больницу). Существуют различные юридические компетенции: компетентность предстать перед судом, компетенция заключать контракт и т.д. Научная этика может исследовать этот подход и разработать собственные критерии компетентности для допуска к выбору моральных норм.

Процедура выбора: единогласие?

Следующий вопрос: должны ли нормы быть утверждены единогласно, или нужно использовать другое правило, например, простое или квалифицированное большинство? Кажется, что мы должны использовать правило единогласия, потому что универсальные правила по определению должны быть приняты всеми, в противном случае они перестают быть универсальными. В этом сила научного подхода к этике, потому что он выводит поистине универсальные этические нормы, которые

поддержит каждый человек. Представители любого меньшинства будут иметь право блокировать любые моральные нормы, которые нарушают их интересы. Для прояснения этого, нужно проверить эмпирически следующее утверждение: «Человек X хочет, чтобы универсальные моральные нормы были приняты единогласно».

Процедура выбора: вуаль неведения?

Сейчас существует проблема разных потребностей и возможностей при выборе моральных норм. Даже если у разных людей есть вся доступная информация и полный контроль над эмоциями, они все равно могут сделать *разные суждения* об универсальных нормах, потому что у них разные личные предпочтения, способности и ресурсы. Например, богатые люди предпочтут нулевые или низкие налоги, а бедные – высокие. Монополист не выберет регулирование ценообразования при монополии, но его потребители будут голосовать за строгую антимонопольную политику. Работодатель будет голосовать за низкую минимальную заработную плату, но работники будут стремиться к более высокой. Будет много разногласий и даже конфликтов по поводу универсальных норм.

Решение этой ситуации заключается в том, чтобы разработать процедуру достижения согласия об универсальных моральных нормах, которые будут поддерживаться всеми и также будут универсальной моральной нормой.

Хорошим кандидатом на эту универсальную моральную норму является *вуаль неведения* Дж. Ролза – нам нужно поставить всех людей в «исходное положение», где никто не знает своих потребностей и способностей в реальном мире, и попросить их выбрать этические нормы для этого мира. В этой ситуации люди попытаются защитить себя от страданий на наиболее уязвимых позициях и постараются максимально улучшить эти позиции (например, установят налоги на уровне, который максимизирует поддержку нуждающихся, но не препятствует экономическому росту). Ролз назвал это условие выбора *честным*, потому что никто не использует свои изначальные преимущества. Интересно отметить, что если наше первое условие истинного этического выбора требует предоставления всей доступной информации человеку, то условие честности требует лишения людей информации, чтобы гарантировать, что их выбор будет этичным. Тем не менее правило *вуали неведения* может быть научно доказано, как и все другие положения нашей теории. Для этого нам нужно логически и эмпирически показать, что каждый человек будет

поддерживать *вуаль неведения* как наилучшую процедуру достижения соглашения об универсальных нормах. Это одна из самых сложных задач научной этики. Легко убедить бедного или слабого человека поддержать завесу невежества, но как убедить богатых и здоровых людей? По сути, это означает убедить людей пожертвовать частью своего благосостояния ради других.

Какие аргументы здесь могут быть уместны? Мы не можем использовать эмоциональное воздействие на чувства людей, взывая их к сочувствию или справедливости, потому что наша методология требует, чтобы они контролировали свои эмоции. Единственный аргумент, совместимый с рациональным выбором, – это неопределенность будущего. Этот аргумент может быть представлен в двух частях. Во-первых, даже самый богатый и сильный человек не может быть абсолютно уверен, что социальная или природная среда не изменится в будущем неблагоприятным образом, и он не окажется в очень уязвимом положении. Таким образом, рационально было бы застраховаться от этих рисков и заранее защитить уязвимые позиции в обществе. Во-вторых, если человек хочет защитить от неблагоприятных исходов не только себя, но и своих детей, внуков и т.д., то ему также нужно принять правило *вуали неведения*. Чем дольше перспектива, тем выше неопределенность и тем больше вероятность того, что дети или внуки человека окажутся в уязвимом положении. Поэтому рациональным выбором было бы установление универсальных моральных норм, защищающих уязвимые позиции. Другими словами, *вуаль неведения* – это не просто мысленный эксперимент, а реальная ситуация выбора в условиях неопределенности. Чтобы проверить это утверждение эмпирически, мы должны спросить у реальных людей, насколько они подтверждают следующую гипотезу: «Человек X хочет использовать *вуаль неведения* как процедуру выбора универсальных моральных норм»?

Эмпирическая проверка

Все положения научной нормативной этики должны быть проверены эмпирически, через приглашение реальных людей согласиться или не согласиться с каждым из них. Это непростой процесс, потому что люди должны получить достаточно знаний, чтобы квалифицироваться как респонденты в этом эмпирическом тесте. Другая проблема заключается в том, что разные люди будут по-разному воспринимать эти гипотезы и не все могут сразу же понять их глубокий смысл. Следовательно, эмпирическая

проверка требует два инструмента: 1) образовательные тексты, которые могут использоваться респондентами для получения дополнительных знаний при необходимости, 2) сценарий вопросов, которые следует задавать респондентам, если они не согласны с каким-либо предложением. Данный сценарий будет использовать метод сократовского диалога – последовательность вопросов, которая приводит собеседника в конечном итоге к правильному выводу. Данный сценарий может быть организован в виде блок-схемы со всеми возможными вопросами или недопониманиями, которые могут возникнуть у респондента и должны быть разрешены с помощью сократовского диалога.

Хотя данная методология основана на принципе единогласия и предполагает согласие всех членов общества, для эмпирической проверки нет необходимости опрашивать всех членов общества. Последнее было бы невозможным, да и не нужным. Многие научные эмпирические исследования основаны на исследовании репрезентативной выборки. Мы можем создать репрезентативную выборку для нашей задачи и проверить, все ли участники этой выборки согласны с нашими предложениями. Если какой-либо человек скажет, что не согласен с нашими тезисами, ему будут предложены учебные тексты и сократовский диалог. Если у человека недостаточно времени для изучения всего необходимого учебного текста и участия в сократовском диалоге, он может отказаться, но в этом случае ему следует согласиться с условием: «Я предпочитаю остановить этот процесс и доверять результатам научного анализа». Если он не доверяет научному анализу, ему нужно опровергнуть эти утверждения в ходе сократовского диалога. Аналогичная ситуация имеет место в любой другой науке. Например, человек должен доверять рекомендациям врачей или же изучать всю необходимую медицинскую литературу, чтобы аргументированно не согласиться с ними. Он не может сказать просто так, что медицина ошибается, поскольку это будет выглядеть глупо и его мнение не будет воспринято всерьез.

Возможно, данная концепция научной этики как методики вывода универсальных этических норм многим покажется слишком радикальной. Но на самом деле в ней нет ничего революционного. Это только последний скромный шаг, который позволяет собрать воедино инструменты и концепции различных традиций (рациональный выбор, золотое правило, И. Кант, методы Сократа, стоицизм и т. д.). В итоге мы приходим к аналогичным моральным нормам, и разница лишь в том, что теперь мы переформулировали этику как строгую науку.

Scientific Approach and Universal Ethics

Maxim A. Storchevoy – PhD in Economics, Associate Professor, St. Petersburg School of Economics and Management, HSE University.
mstorchevoy@hse.ru.

Abstract

A universal ethical theory may be developed as a scientific discipline. The author proposes four criteria of science: 1) accurate terminology, 2) correct logic, 3) empirical verification, 4) accuracy of empirical measurement. He starts with *definition of good* as the most important term and define it as “something that should exist by someone’s opinion”. *Logical analysis* means derivation of the attitude of a person to something based on one’s knowledge about one’s nature. *Empirical verification* means asking a person if he or she really agrees that something is good. An important condition of the accuracy of empirical verification is that the person should have *all available relevant information and keep control over emotions* to render a true judgment that something is good. The second question of scientific approach to ethics is about existence of *universal moral norms*, which all people should obey (otherwise, their behavior would be accounted as unethical).

Keywords: normative ethics, rational choice, scientific method, verification, unanimity, veil of ignorance.